

Глоболокализация versus русофония: поиск альтернативы гибридности и кросс-культурности

Актуальность темы исследования обусловлена социальными противоречиями, вызванными распространением в глобальной культуре проектов глоболокализации, транскультурации и транслокальности, связанных с активным внедрением в жизнь манипулятивных практик адаптации языковых и культурных локусов к глобальному рынку. Гибридность как базовое свойство постсовременности требует интерпретации данных проектов на базе новых методологических предпосылок: философии медиа, структурализма и постструктурализма, критической теории. Неoliberalной гегемонией в основу данных проектов положена воображаемая толерантная кросс-культурность, что нередко затрудняет выявление глубинных парадоксов их репрессивности. Центральным проектом кросс-культурности на сегодняшний день является глокализм. Цель настоящего исследования — провести компаративный анализ глоболокализации и русофонии как альтернативных (прагматического и этического) путей разрешения гибридных конфликтов между культурами и поиска путей диалога на глобальном (мировом) и локальном (российском) уровнях. В результате анализа материалов по глоболокализации сделан вывод о существовании ряда легитимированных противоречий в глокализме, главными среди которых являются: противоречие между капиталом и трудом, временем и пространством; противоречие между этическим универсализмом и экономическим партикуляризмом рынка; противоречие между воображаемой свободой горизонтальных коммуникаций и асимметрической руководящей структурой организованного хаоса; противоречие между транснациональными компаниями и государством, рискующим утратить свою национальную и цивилизационную субъектность; противоречие между обещаниями регионам со стороны транснациональных компаний и реальными возможностями регионов; двойные коды по отношению к протестным движениям в глобалистических и антиглобалистических регионах. Альтернативой глоболокализации в отношении России и ряда других стран, в том числе Украины, предложен соборный проект русофонии как механизм языковой солидаризации субъектов культуры по цивилизационному, культурному и символическому признакам.

Ключевые слова: транскультурация, транслокальность, локус, гибридность, глокализм, глоболокализация, критическая теория, соборность, русофония.

The relevance of the research topic is due to social contradictions caused by the proliferation of global localization, transculturation and translocality projects in the global culture, associated with the active implementation of the manipulative practices of adaptation of linguistic and cultural locuses to the global market. Hybridity as a basic property of postmodernity requires the interpretation of these projects on the basis of new methodological premises: philosophy of media, structuralism and poststructuralism, critical theory. The neoliberal hegemony lays in the basis of these projects an imaginary tolerant cross-cultural phenomenon, which often makes it difficult to identify the deepest paradoxes of their repressiveness. The central project of cross-culture today is glocalism. The aim of the research is to carry out a comparative analysis of global localization and Russophony as alternative (pragmatic and ethical) ways of resolving hybrid conflicts between cultures and finding ways of dialogue at the global (world) and local (Russian) levels. As a result of the analysis of materials on glocalization, the author comes to the conclusion about the existence of a number of legitimate contradictions in glocalism, the main ones of which are: the contradiction between capital and labor, time and space; the contradiction between ethical universalism and the economic particularism of the market; the contradiction between the imaginary freedom of horizontal communication and the asymmetric governing structure of organized chaos; the contradiction between transnational companies and the state, which risks losing its national and civilizational subjectivity; the contradiction between the promises to the regions from transnational companies and the real possibilities of the regions; double codes in relation to protest movements in globalist and anti-globalist regions. As an alternative to glocalization in relation to Russia and a number of other countries, including Ukraine, we propose a solidarity project of Russophony as a mechanism of linguistic solidarization of cultural subjects on civilizational, cultural and symbolic grounds.

Keywords: transculturation, translocality, locus, hybridity, glocalism, global localization, critical theory, collegiality, Russophony.

Введение

Актуальность предложенной темы исследования обусловлена активным введением в обиход новейших терминов и понятий глобальной культуры, которые выходят далеко за пределы дискурса постмодерна и даже пришедшего ему на смену глобализма, отражая гибридность как отличительное свойство так называемой «постсовременности» — ситуации в культуре первой половины

XXI в., которая фиксирует глубинные изменения на уровне мировоззрения, языка, сознательного и бессознательного, но пока еще не способна выработать позитивную онтологическую программу своей идентификации за исключением того, что в локальном микрокосмосе индивидуальности постсовременность фиксирует встречу и *синхронизацию вследствие компрессии хронотопа в информационном обществе трех моделей бытия: модерна, постмодерна и неомодерна*, а также четырех поворотов, которые им соответствуют: *антропологический (модерн), лингвистический и визуальный (постмодерн, ранний и поздний соответственно) и этический (неомодерн)*. Подобная *гетерохронность* не может не вызывать разрывов в цепочке символических означающих идентичности субъекта, формирующих посредством языка и культуры самосознание, что вызывает состояния отчуждения, зияния, фрустрации, разочарования, онтологической скуки.

Гибридность как взаимное диффузное перетекание и синкретичное переплетение разнообразных культурных форм в динамике ризомы, поддерживаемая за счет быстрого переключения кодов и «отрастания» сети в каждой ее точке независимо от точки ее резекции, помимо кросс-культурных идентичностей, основанных на нарушении тотальности хайдеггерианской формулы единства бытия, мышления и языка, апеллирующих к дифференциации этнической, цивилизационной и языковой принадлежностей субъекта и вызывающих естественный энтузиазм в среде сторонников постмодерного мультикультурализма и queer-дискурса, как и любое парадоксальное явление, имеет две стороны. *Безусловной позитивной стороной кросс-культурной и транслингвистической гибридности* как модели идентификации является извлечение пограничной личности как избытка по отношению к символической гегемонии из тисков агрессивного этнического сепаратизма (радикал-национализма), что для Украины, например, где единство этноса, языка, веры оглашается залогом «правильной» идентификации, является ситуативным благом, хотя и не избавляет русскоязычного украинца от стигматизации, чувства вторичности и неполноценности по отношению к титульному этносу: отныне человек может, принадлежать к одной национальности, говорить сразу на нескольких языках и полагать их родными, отождествляя себя при этом с третьими (четвертыми и т.д.) по отношению к языковым и этническим параметрам культурно-цивилизационными ценностями, что блестяще продемонстрировал А.А. Гуссейнов в период расцвета постмодерного пацифизма [1. С. 73–79].

Однако кризис постмодернизма как постструктуралистской модели философствования, происходящий на системном уровне (транснационализма в экономике, неолиберализма в политике, мультикультурализма в культуре), продемонстрировал и *отрицательные стороны кросс-культурной идентичности*, которые особенно ярко проявляются в современной России, чьи федеральные условия бытия отличаются от жестко центрированных условий бытия стран с ярко выраженными «правыми» тенденциями в политике, как, например, на Украине. Рассмотрим эту *деструктивную сторону кросс-культурности* в аспекте *классической семиотики*. Гибридная кросс-культурность предполагает специфический знаковый жест протеста маргинальной культуры (культуры-реципиента) против Центра (культуры-донора), отмеченный Ю.М. Лотманом как «бунт периферии против центра культурного ареала» [2. С. 232–233]: культура-реципиент, испытывая комплекс исторической неполноценности перед культурой-донором, неукротимо стремится к самоутверждению над культурой-донором, но, не имея достаточного для реализации своей субъектности символического арсенала, самоутверждается за счет заимствованных у донора же ценностей (язык, культура, цивилизационное и литературно-художественное наследие). Чтобы подобный способ самоутверждения осуществился, необходима дифференциация статуса донора и статуса транслируемых им текстов, которые идентифицируются в качестве «возвращающихся» на якобы «свое законное место» (подобную ситуацию наблюдаем в попытке оправдать русскоязычных украинцев Украины в рамках геополитического проекта «Украина-Русь»). В результате донор лишается своих аутентичных достояний, которые, превратившись в «блуждающую истину», кочуют из одного центра силы в другой, не укрепляя диалог, а провоцируя конкуренцию за ценности.

Дифференциация страны, народа, государства, языка, культуры, искусства в перформативном дискурсе постмодерна приобретает медийный характер *фрагментации* и *гиперреализма симуляции*: образуется основанная на постколониальной культурной антропологии воображаемая множественность обслуживающих единый унифицированный экстерриториальный рынок комбинированных, территориально связанных, синтетических, гибридных идентичностей (хабов, локусов, кластеров, атомарных индивидов), за которой скрывается реальное однообразие капитала, так что *видимая неэквивалентность становится маской невидимой эквивалентности* в рамках проекта «мягкой силы» / “soft forc” [3], мультикультурализм и транскультурно-транслингвальные практики влекут за собой все тот же глобализм. Кроме того, гипертрофия кросс-культурных идентичностей в отдельных локусах и регионах, населенных этническими меньшинствами, трансформируясь из этнографической в политическую, создает *опасность регионального сепаратизма* — нарушения государственной целостности, цивилизационного единства и общественной солидарности. В результате имеем гибридные конфликты в гибридной культуре, эффект деконструкции от проекта «Вавилонская башня».

Предварительно можем постулировать контекстуальный характер кросс-культурности как позитивной альтернативы моноэтнизму в национально гомогенной среде (Украина) и как негативной альтернативы цивилизационной целостности в национально гетерогенной среде (Россия). В современном глобалистическом дискурсе на смену понятиям кросс-культурности и мультикультурализма приходят новые, более альтерглобалистические по своему характеру, категории, фиксирующие транслингвизм и транскультуру как параметры кросс-культурных преобразований: одной из них является категория «глоболокализация», известная так же, как «глокализм», «глобальная локальность». Возникает необходимость *детального критического анализа данной категории*, выявления ее парадоксов, сходств и отличий от глобализации и кросс-культурности, а также поиска возможных *лингвокультурологических альтернатив* глокализму в отечественных и мировых условиях в виде предлагаемого проекта русофонии.

Цель настоящего исследования — провести компаративный анализ глоболокализации и русофонии как альтернативных проектов разрешения гибридных конфликтов между культурами и поиска путей диалога в условиях постсовременности на глобальном и локальном уровнях.

Материалы и методы исследования

Концепт глоболокализации трансплантируется в мировую культурную практику из области японского маркетинга, где во время «японского чуда» 1960–1970-х гг. возник концепт *dochakuka* — успешного промоушена японских корпораций на мировом рынке в среде местных меритократов. На сегодняшний день глоболокализация является актуальным социокультурным трендом, который занимается промоушеном региональной культурной продукции и воспринимается как успешная альтернатива рыночной универсализации путем взаимного приспособления местных компаний к мировому рынку и мирового рынка к местным компаниям. Сторонники глоболокализации — от ученых Римского клуба и руководителя японской корпорации «Sony» А. Морита до представителей постструктурализма, трансформизма, неопрагматизма и других проектов постмодерной риторики отличий (DifferAnce) — полагают, что глоболокализация приведет к созданию нового, более справедливого, сценария децентрализованного глобального мира, где гранднарратив модерна уступит место малым нарративам повседневной жизни, которые предотвратят антропологическую катастрофу, провоцируемую классическим глобализмом «плавильного котла» культур. Образующая в рамках глоболокализации *транслокальность* должна создать такой виртуальный и реальный резонансы местностей в рамках нового сетевого регионализма («эффект бабочки»), что события, зарождаясь в одной точке, посредством дигитальной коммуникации тут же «перебрасываются» в другую, возбуждая там новые пассионарные толчки

и выводя отдельные пространства (локусы, локальности, местности, регионы) в международный мир независимо от национальных государств, в юрисдикции которых они находятся, и наравне с ними, но при этом при полной корреляции действий локусов со стратегиями транснациональных компаний глобального рынка. Естественно, что жители данных локусов в идеале должны быть носителями *кросс-культурной идентичности*, чтобы скреплять в сознании дистинкции этноса, языка, государственного гражданства, ценностного выбора культуры и цивилизационной принадлежности во всей их текучей гибридности, ризомности и одновременно нетождественности.

Культурологический анализ глоболокализации на базе *современной критической теории (cultural studies)* и ее методов позволяет выявить некоторые манипулятивные подтексты в «постглобализационной» политике регионов, де-факто обращенной к матрице *перформативного самовоспроизведения глобализма путем его же стилизации под собственную контркультуру*. Например, с помощью *герменевтического метода* мы демонстрируем скрытую невидимую эквивалентность рынка под явной видимой неэквивалентностью идентичностей; *деконструкция* как метод вскрывает специфику компрессии хронотопа как подчинения пространства времени.

Прежде чем перейти к изложению результатов использования данных методик, рассмотрим ключевые культурологические и онтологические коннотации глоболокализации, выходящие далеко за пределы бизнеса в транскультурные практики *диффузионизма, плюрализма, релятивизма, мультикультурализма, неопрагматизма, постколониальной теории, queer-дискурса и феноменологии культуры*. На последней, постмодерной, стадии своего развития капиталистическая система перезагружается посредством ритуального отрицания своей гиперактивности. Классические глобалистические тренды (массовость, стандартизация, унификация, централизация) изменяются на неклассические (плюрализация, релятивация, диверсификация, децентрализация). Означает ли это радикальные изменения или всего лишь зеркальное отражение старого подтекста? В общественном устройстве новый регионализм претендует на ломку вертикального государственного контроля в пользу горизонтальных коммуникаций, и это неудивительно: либертарианство информационного менеджизма «третьей волны» заинтересовано в предельном ослаблении государства и его дисциплинарных структур, стигматизируемых в качестве «командно-административных», в пользу транснациональных компаний. Глоболокализация позволяет вывести из-под государственной патрональной опеки отдельные регионы, используя для их поддержки гиперглобалистические транснациональные тренды. При этом сами региональные коды интересуют глобальный мир в качестве не онтологических топосов, а символических номадических локальностей, когда аутентичность местности уступает место туристическому фантазму о ней, ее рекламному знаку.

Один из главных теоретиков глоболокализации Р. Робертсон, автор самого *термина-неологизма*, означающего наложение слов *global* и *local*, настаивал в дискуссии с основоположником мир-системного анализа, глобалистом И. Валлерстайном, на том, что апроприации регионов не произойдет и они не станут инструментами рынка, играя роль местных экзотов [4. С. 25–44], но практика глоболокализации установила жесткую иерархию из глобального, национального, регионального и локального уровней взаимодействия, в рамках которой национальное государство теряло всякую силу как «этнический пережиток» (У. Бэк) [5. С. 407–512], а идентичность регионов начала подчиняться глобалистическому тренду, перешедшему к новому типу войны. В рамках «роения» (техники *swarming*) [6. С. 143–160] партикулярных гибридных культурных форм, связанных горизонтальными диффузиями, разворачивается информационная семиотическая война постмодерна с институтом государственности, приводящая к изменению не только системы знаний, но и системы убеждений в пользу *новой картины мира* (символического реального): на место классической «философии времени» в лице позитивной диалектики приходит разработанная еще С. Хантингтоном неклассическая «социология пространства» [7]. На прикладном уровне ей соответствует датский паттерн обывательского счастья «*хюгге*» — «*просто жить*»,

который придерживается личного потребительского гештальта и благополучия в полифонии атомарных индивидов и очагов их изолированного проживания.

Речь идет не просто о частной и прикладной менеджерской стратегии адаптации локального начала к глобальному миру, а о том, что в результате данной адаптации *выигрывают не локальности, а сам глобальный мир*, его мондиалистическое «ядро», в то время как локальности, лишённые технологий, остаются поставщиками ресурсов для Центра, *сервисными добавками стран монополий*, зависимыми от них на основании асимметрических кредитов. Отток рабочей силы и сырья из «периферии» в «ядро» и отток капиталовложений из «ядра» на «периферию» образуют замкнутый круг и никоим образом не устраняют ни *базовую социальную травму* «богатого Севера» (технологической зоны) и «бедного Юга» (сырьевой зоны), ни *базовую цивилизационную травму* «Запад (либерал-демократия) — Восток (патернализм)». Многообразие идентичностей в мире глобального цифрового мультикультурного капитализма демонстрирует их воображаемую фрагментарную устойчивость при одновременном «нанизывании» последних на темпоральную ось непрерывно движущегося капитала, так что хаб представляет собой *подчиненное времени («овремененное») пространство*, в рамках которого каждый отдельный субъект превращается в имманентно статическое звено продвижения капитала, которое может двигаться только вместе с ним, в номада, чей дом переносится «на плечах».

Продемонстрируем механизмы «овременения пространства» в рамках глоболокализации на примере изменений в хронотопической структуре социальной коммуникации. *Компрессия (сжатие) времени и пространства*, о которой писал З. Бауман [8], возможная благодаря дигитальным технологиям, преодолевающим хронотоп путем нажатия одной кнопки, по-разному проявляется на уровне финансовых элит и на уровне трудящихся масс. Если на уровне элит компрессия означает безграничную власть (времени, наполняемого пространствами), то на уровне масс эта же компрессия означает безропотную детерминацию — подчинение личного пространства, остающегося неподвижным, времени, когда сливаются воедино труд и досуг, публичность и приватность, рабочие часы и домашние часы вследствие круглосуточной работы в сети (карантин, фриланс, дистанционная занятость). «Взнуздывание» личного пространства экстерриториальным временем капитала приводит к *возрождению средневекового хуторянства в постмодерне (глобальной деревне) — тотальной местечковости и детерриторизации* разбросанных по всему миру фрагментарных изолированных хабов, где атомарные, отчужденные, изолированные индивиды производят местный продукт для экспорта, который, тем не менее, радикально не влияет на глобальную экономику, выполняя исключительно функцию некой экзотической, по меткому выражению Н. Буррио, «татуировки» [9] — туристической диковинки-сувенира из новых гетто, чьи партикулярные локусы «присягнули на верность» рыночному универсализму. Рынок посредством межрегиональной интеграции умело использует политику культурных отличий для дробления одних цивилизационных очагов и укрепления других, более адаптированных к современным капиталистическим отношениям. Экономика свободных транснациональных зон противостоит экономике корневых укладов и усиленно объединяет регионы, юридически принадлежащие разным государствам. Многоуровневый, ризомный, диффузный, гибридный характер глокализации, ее мгновенность и взаимная проницаемость не исключают ни наличия *скрытого вертикального хаба управления внешним хаосом*; ни *монополии глобализма*, использующего мировую паутину как среду броуновского движения медиавирусом; ни постоянных разрывов идентичностей у индивидов, находящихся в перманентном состоянии «*информационного шока*» в сети под воздействием множественных альтернативных сценариев бытия, выбор между которыми за индивида делает машина, окончательно упраздняя видимость либерализации и перенимая на себя в гротескной форме функции устранившегося постмодерном традиционного Отца (Большого Другого). Таким образом, «актуальная» квир-стратегия маргинальной кросс-культурности — это *символическое, скрывающее код глобального дигитального контроля*.

Благодаря активному культивированию виртуальных имиджей регионов, которые испытывают нехватку технологий и ресурсов, у каждого пользователя сети возникает иллюзия, что в рамках креативной экономики «общества переживаний» он сможет стать творцом собственного стиля, тренда, бренда, фантазма, ощущения (тип экс-хакера, или фрилансера). Экранная иллюзия усиливает фантазм потребителя стать полноценным производителем на свободном рынке, где по факту правят монополии, поэтому относительно малое количество новообразованных «креативных элит», занятых производством не товаров, а услуг в обществе интенсивной деиндустриализации, не может покрыть базовую травму социального неравенства между собственником капитала и его работником, потому что ни качество вырабатываемого «вручную» продукта, ни его символический капитал не позволяют производителю-«креатору» занять место монополиста: креативный класс доминирует в среде арт- и IT-специалистов США, но не играет существенной роли в ВВП в остальных странах мира.

Результаты исследования

Доказательствами неоднозначности проекта глоболокализации являются включенные в нее в качестве легитимированных (уже вписанных) травм *парадоксы*, среди которых хотелось бы выделить следующие: противоречие между космоизмом как этическим универсализмом и глобальным экономическим партикуляризмом рынка, преследующего свои корпоративные интересы; противоречие между воображаемой свободой горизонтальных коммуникаций и асимметрической руководящей структурой в «роении» локальностей; противоречие между транснациональными компаниями и государством, рискующим вместе с громоздким аппаратом неповоротливой бюрократии утратить свою национальную и цивилизационную субъектность; противоречие между фантазмическими обещаниями, которые предоставляются регионам со стороны транснациональных компаний, и реальными возможностями регионов, рискующих без государственной поддержки превратиться в аграрные придатки глобального мира.

Кроме упомянутых парадоксов, глоболокализация несет еще целый ряд реальных экономических, политических и культурных *рисков*, связанных со *стиранием грани между автономией региона и региональным сепаратизмом*. В этой связи возникает *конфликт между субрегионами и интересами национального государства*, и этот конфликт может использоваться для фрагментации и разрушения последнего. На уровне кросс-культурной идентичности, имплицитно входящей в глокальные практики, фрагментация приводит к деконструкции единого культурно-цивилизационного Логоса, в котором многообразие вполне могло бы существовать (и существует) в рамках единого ценностно-смыслового пространства и без специальных политических жестов. Вызывает также недоумение *двойной стандарт в отношении представителей проекта глокализма к регионам*, подтверждающий его скрытый глобалистический подтекст: например, сепаратные движения в локусах героизируются как «освободительные», если имеют глобалистическую направленность, и стигматизируются как «террористические», если имеют антиглобалистическую направленность (как, например, Донбасс / Чьяпас — Квебек / Косово). Имеет место типичная для репрессивной толерантности классификация ипостасей иного на «хороших других» и «плохих других», используемых представителями глобального мира как инструмент неолиберальной игры с «угодными» и «неугодными» государствами.

Поскольку выявлен ряд противоречий в проекте глоболокализации, подтверждающих, что всеобщность рынка отнюдь не означает всеобщности человечества, в качестве перспективного вывода предлагается *альтернативный международный культурологический проект*, основанный на *диалоге культурных универсалий с аутентичными цивилизационными традициями вне символических означающих глобалистической гегемонии*. Этот проект успешно апробируется на уровне России и Франции, но также может служить примером для любого другого государства. Речь идет

о «русофонии» как прикладной стратегии моделирования культурной идентификации в конфликтных регионах, где не сработали глобалистическая, мультикультурная, глоболокализационная и кросс-культурная модели. Системное исследование историографического становления понятия «русофония» в международном научном сообществе, осуществленное У.М. Бахтикиревой, является уникальным в том аспекте, что автору удалось уловить едва намечающееся, еще имплицитное, но уже глубинное мировоззренческое противоречие между *глоболокалистической трактовкой термина «русофония», исходящей от СРФ (Союза русофонов Франции, осень 2006), и традиционалистским толкованием*, свойственным, на наш взгляд, *испанскому (латиноамериканскому) дискурсу постсовременности (2020)*, склоняющемуся к культурным архетипам цивилизации [10]. Во французской версии намечена *свойственная для постмодерна билингвистическая дистинкция* между базовой этноцивилизационной принадлежностью субъекта, закрепленной в материнском плато «первичного» языка как потенциального «родного», и используемым им в качестве второго (литературного, профессионального, коммуникативного, бытового) русского языка. Показательно, что писатель-русофон может писать «на русском», но «не по-русски» [10. С. 12], т.е., используя означающие речи и ментальные значения диахронической парадигмы (воображаемого), не вовлекать свою субъектность в синхроническую синтагму глубинных означаемых реально-символического языка — кодов культурной памяти, смысловых инвариантов, фиксируемых набором не только «детских слов» как означающих сакрального опыта метапоэтики мифа, но и феноменом короткого семиотического замыкания, воплощенным в жесте лакановского *la-language* — прерывистого языка влюбленных, поэтов, юродивых, сумасшедших, детей и пациентов в состоянии глубокого сновидения, «раздирающего» континуальность «сшитой» коммуникативной речи в прорыве живого архетипа как дионисийского, нуминозного, пассионарного взрыва. Испанская версия как проявление неомодерна через язык восстанавливает цивилизационную солидарность его носителей как наследников империи (латиноамериканской культуры), что позволяет нам вернуться к умеренному хайдеггерианству и русской классической метафизике всеединства («русского» начала духовности, Логоса). Данная версия приобретает особое значение для *духовной репатриации тех русскоязычных украинцев, которые ощущают свое онтологическое цивилизационное единство с русской культурой*, а не просто используют семиотику русской речи как коммуникационное средство, но теряет смысл для других, которые желают сохранить приверженность малым этническим архетипам при использовании нескольких моделей языка и мышления. Таким образом, *диалог между русофонами разной ценностной ориентации* — наиболее актуальная проблема.

Заключение

Диалогическое единство макрокосмоса и микрокосмоса, Вселенной и человека, универсальности и сингулярности, связанных через мезоуровень культуры, только тогда достигнет онтологической подлинности, когда мировая солидарность «мы как человечество» вступит в диалог с культурной эквивалентностью «мы как цивилизация», а через него — в диалог с каждым отдельным «Я» как с избытком и разрывом. Данная гармония только на первый взгляд кажется утопией. Глобальный мир как многополярное единство должен определяться интересами всех его участников. В рамках репрессивной глоболокализации кросс-культурная, отсекающая друг от друга культуру, язык, этнические корни и цивилизационные симпатии, плюральная идентичность строится так фрагментарно и эклектично, что невольно превращается в символический жест травмы и дает повод для репрессий. Особенно это касается стран, где идентичность «русскоязычный» стигматизируется как «вторичный» или представитель «пришлого» монолингвистического «меньшинства» (Украина, Прибалтика, Грузия, Молдова, иногда Средняя Азия). Русофобский фантазм в данных локусах отождествляет определение «русскоязычный» с «только

русскоязычным» или с этническим «русским», что вызывает гонения носителей «русскоязычной идентичности» и их оправдательное стремление выстроить *кросс-культурную глоболокальную модель дифференциации России и русского языка* по семиотическому типу реципиента, протестующего против донора, или русофона, принимающего коммуникативность русского языка, но отвергающего цивилизованность русскости.

Поскольку «русофония» предполагает субъекта, необязательно этнически русского, но говорящего как на русском, так и на любом другом языке субъекта любой нации, религии и гражданства, противоречие означающее «русскоязычный» как «только русский» или «русскоязычный» как «русскоязычный иной» снимается, учитывая универсальный международный характер русского языка, *интеграцию представителей русской культуры* по всему миру именно по *цивилизационному признаку*, лежащему в основе духовно-ценностного бытия. Русофония может развиваться не только глоболокально как *вторичный языковой сегмент коммуникативной культуры людей, ощущающих себя русскими по речи, а не по архетипам*, но и *традиционно-консервативно как фундаментальная духовная общность (соборность) русскоговорящих людей, желающих быть «русскими»*, участвовать в реставрации общей культурной памяти.

Литература / References

1. Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 72–81.
Guseinov A.A. Etika nenasiliia // Voprosy filosofii. 1992. No. 3. S. 72–81.
2. Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении. Византия и Русь. М.: Наука, 1989. С. 227–235.
Lotman Yu.M. Problema vizantiiskogo vliianiia na russkuiu kul'turu v tipologicheskom osveshchenii. Vizantiia i Rus'. Moscow: Nauka, 1989. S. 227–235.
3. Nue J. The powers to lead. Oxford: University Press, 2008. 208 p.
4. Robertson R., Featherstone M., Lash S. Glocalization: time-space and homogeneity-heterogeneity. Global modernities. London: Sage Publications Ltd., 1995. P. 25–44.
5. Beck U., Grande E. Varieties of second modernity: the cosmopolitan turn in social and political theory and research // British Journal of Sociology. 2010. No. 61/3. P. 406–638.
6. Arquilla J., Ronfeldt D. Cyberwar is coming! // Comparative Strategy. 1993. Vol. 12. No. 2. P. 141–165.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
Huntington S. Stolknovenie tsivilizatsii. Moscow: AST, 2003. 603 s.
8. Bauman Z. Liquid modernity. Cambridge, UK: Polity Press; Malden, MA: Blackwell, 2000. 232 p.
9. Bourriaud N. The radican. New York: Sternberg Press, 2009. 192 p.
10. Бакhtикиреева У.М. Русофон — русофонный — русофония — русофонная литература — слова глобальные или локальные? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. № 18 (1). С. 11–17.
Bakhtikireeva U.M. Rusofon — rusofonnyi — rusofoniia — rusofonnaia literatura — slova global'nye ili lokal'nye // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2021. No. 18 (1). S. 11–17.

Бильченко Евгения Витальевна,

доктор культурологии, доцент,
ведущий научный сотрудник Института культурологии
Национальная академия искусств Украины, Киев

Bilchenko Evgeniia V.,

Doctor of Culturology, Associate Professor,
Leading Researcher at the Institute of Cultural Studies
National Academy of Arts of Ukraine, Kyiv

e-mail: yevzhik80@gmail.com

